

ГЛАВА 1

Воздух пах раскаленным металлом и старой одеждой — привычная смесь для ремонтной мастерской на самом нижнем уровне.

Новой одежде взяться было попросту неоткуда, учитывая уровень заработка обитателей станции. То, что доставалось от перекупщиков, береглось и передавалось из поколения в поколение, пока не приходило в окончательную негодность. Штаны с многочисленными карманами, надетые сейчас на Камерон, принадлежали раньше ее отцу, как и майка, вытертая по горловине до состояния бахромы. Вещи были девушке чуть великоваты, но продетый в петли пояс из синтетической кожи решал проблему. А мешковатость одежды играла только на руку — не приходилось утягивать грудь.

Особой проблемы это и без того не представляло: Камми выросла стройной, даже немного худоватой, и верхние выпуклости остальным невзрачным параметрам соответствовали.

Выключив вентиляцию в комнате, девушка натянула выдавшую виды толстовку и плотнее надвинула капюшон.

В рабочее время лучше не проветривать жилые помещения — станет только хуже. Шахта поддува обшая на весь район, и скапливающиеся там днем аро-

маты, мягко говоря, на любителя. А на ночь можно будет и включить.

На первом этаже, поднявшись еще до рассвета, чтобы успеть сдать заказ вовремя, работал со сваркой Стефан Стил.

— Я за хлебом, скоро вернусь, дед! — крикнула Камми в полуоткрытую дверь мастерской.

Гудение сварочного аппарата на мгновение затихло.

— Булок возьми! Я тебе кредитки перечислил, — голос Стефана под щитком маски звучал невнятно, но девушка и так поняла.

Сварка выдала новую пронзительную трель, Камми хлопнула входной дверью и заспешила по пустынным в столь ранний час переулкам двадцать четвертого сектора. Следовало поторопиться. Свежий хлеб в ограниченном количестве пекли очень рано в одной-единственной пекарне на весь уровень, и разбирали его моментально.

Выпечкой то, что выдавали на руки рабочим, можно было назвать весьма условно. Муки в тесто клали по минимуму, о свежих яйцах или молоке оставалось только мечтать, глядя на картинки в сети и сглатывая тягучую слюну. Яичный порошок, сухие «сливки», переработанная в пыль соевая труха и другие отходы производства смешивались, разбавлялись водой и выпекались.

Есть булочки нужно было горячими, свежими, иначе за несколько часов они превращались в каменные коржики. Их, конечно, можно было вымочить в синтетическом молоке — тоже своего рода десерт и деликатес в одном, но ощущения уже не те.

Продукты в рабочих секторах не выбрасывали. Редко кто мог позволить себе купить пищу с запасом,

и в любом случае химически модифицированная еда хранилась настолько долго, что съедалась раньше, чем заканчивался срок годности.

Несмотря на ранний час, узкие улочки были полны народу. В основном спешили на работу. Начиная с двадцать первого уровня и вниз на станции обитал обслуживающий планктон, без которого, впрочем, вся система перестала бы существовать. Как мелкие винтики: вытащи их — и машина развалится на составляющие.

Мало кто мог себе позволить собственное дело.

Мастерская Стил появилась едва ли не раньше самой станции, и то последние несколько лет дед едва справлялся с оплатой все увеличивающихся налогов. Отдельное жилье продали давно, еще до рождения Камми, чтобы оплатить лицензию на ребенка для ее родителей, и двухкомнатная квартирка над мастерской стала прибежищем для молодой семьи и счастливого деда.

Камми появилась на свет под песню резака и сверла. Рожала ее мать дома, как и большинство женщин рабочих секторов. Прием в госпитале стоил слишком дорого, а уж роды точно вылились бы в стоимость всей мастерской.

Больниц было всего три на все уровни, но и в самой дешевой обитатели нижних секторов старались не появляться. Даже когда речь шла о жизни и смерти.

Саймон и Гвендолин Стил заранее извинились перед соседями, раздав каждому по пачке дефицитного печенья. Подобная подготовка к родам никого не удивляла: семьдесят процентов детей на станции рождались дома. Ежемесячные страховки, включающие в себя роды и уход за детьми, стоили запредельно,

если сравнивать с зарплатой среднего рабочего, а оплачивать единоразово из собственного кармана визит в больницу — и того хуже.

Им повезло. Дочь появилась на свет довольно быстро, оказалась крепенькой и здоровенькой.

Но Стили все равно расстроились. Не потому, что не хотели девочку, — они были бы рады любому ребенку. Счастье уже, что обошлось без патологий, которые не редкость в многократно отфильтрованном воздухе, полном частиц тяжелых металлов и испарений.

Проблема была в том, что девочек — любого возраста девочек — на станции ждала незавидная доля. Поэтому на семейном совете, экстренно созванном сразу после родов, единогласно решили записать новорожденную Камерон Стил мальчиком.

Программу, сканировавшую ребенка сразу после рождения на предмет отклонений, Саймон взломал за три секунды. Робот-врач даже не понял, что в нем успели покопаться, и безропотно выдал справку о появлении на свет Камерона Стила, мальчика весом три кило с половиной, без врожденных патологий.

В отделении регистрации граждан все свершилось еще быстрее и проще.

Усатой пожилой даме, бдившей за стеклянным окошком и переносившей данные в общую систему, предъявили пищащий сверток, обернутый темно-синим одеяльцем. На вопрос об имени младенец открыл рот и заорал настолько могучим басом, что галочку напротив «мальчик» чиновница поставила без дальнейших уточнений. Гвен перехватила дочь поудобнее и, приговаривая невнятно-ласковые эпитеты, вышла на улицу. Показать нового гражданина показали,

дальше шло простое заполнение бланков. С этим и мужчины справятся.

Камерон росла серьезным и ответственным ребенком. Людей она сторонилась, чему немало способствовали родители и дед, всячески ограничивавшие ее общение со сверстниками. В ясли, сад и школу она не ходила, получая заочное образование в сети и периодически являясь на промежуточные экзамены. Подобному затворничеству особо не удивлялись. Дошкольные и общеобразовательные заведения существовали для того, чтобы занимать детей, пока их родители на работе. В случае если мать или отец сидели дома, дистанционное обучение не просто позволялось — оно поощрялось послаблением в налогах. Меньше расходов для сада на еду и содержание детей. Всем выгодно.

Неожиданная смерть Саймона оборвала сравнительно безоблачное существование семьи. Налог на бесхозную женщину Стили бы уплатить не смогли, даже если бы продали все здание мастерской, поэтому Гвен пришлось снова регистрироваться на рынке невест.

Желающий нашелся быстро.

Новый муж позволил ей работать, но дорогу к «сыну» приказал забыть. Новая семья — новая жизнь. И Гвен пришлось покориться: на станции муж для жены — царь и бог. Однако откладывать часть своей зарплаты на личный счет ребенка ей никто запретить не мог.

Стефан в свою очередь сделал все, чтобы заменить обожаемой внучке и отца, и мать, и остальных родственников. Да и друзей тоже, потому что приятелями Камми так и не обзавелась. В сад и младшие классы она не ходила, потому что мать боялась разоблаче-

ния и сидела с ней дома, в старшую школу не захотела идти уже сама.

Боялась людей. Громкие, орут, бегут куда-то, толкаются... Ну их.

Дед вздохнул с облегчением и, когда она подросла, записал внучку на заочное обучение в колледже. Стоило оно столько же, сколько реальное, зато не надо было опасаться, что кто-нибудь не вовремя заглянет к Камми в кабинку туалета.

Помимо общей программы девочка увлеклась сначала механикой, повторяя за дедом, а потом и инженерным делом. В любое время суток ее можно было застать в очках виртуальной реальности, крутящей над головой проекцию какого-нибудь диковинного механизма. Программирование, по стопам отца, она тоже освоила, но копать в промасленных железках руками ей нравилось куда больше.

Больше всего, понятное дело, Камми интересовали звездолеты.

С младенчества она знала, что на станции ей небезопасно. И только лет после десяти, пройдя курсы истории и полового воспитания в школе, поняла почему.

Человеческая империя с определенного момента начала разрастаться в геометрической прогрессии, и следить за порядком и выполнением общеимперских законов стало сложнее. Нет, вопиющие случаи вроде массового убийства поселенцев или травли пришлых расследовались и наказывались, но всякие мелкие недочеты списывали на самобытность культур. Одной из таких мелочей был жизненный уклад на станции ХХ-49.

Той самой, на которой не посчастливилось родиться Камерон.

Построенная на заре освоения космоса, сразу после открытия Потоков, станция поначалу представляла собой полигон для испытания человечества на прочность. Женщин было мало — да и кто согласится жить в металлической коробке, ежедневно рисковать здоровьем и сражаться с вакуумом за каждый построенный сантиметр? Зато мужчины, жаждущие быстрого заработка, приезжали на станцию толпами.

И ушлое руководство издало указ: выезд со станции незамужним женщинам запрещался.

Какое-то время было тихо. Женщины, желавшие уехать, выходили замуж за строителей, у которых заканчивался контракт, и покидали недружелюбную станцию. Но многие оставались, заводили семьи, рожали детей.

В том числе девочек. И те уже не хотели покидать родителей. Для них стройка, а потом и пересадочная станция становилась домом.

Тогда издали новый закон, согласно которому все совершеннолетние женщины станции должны быть замужем. А то непорядок: мужчин по двадцать штук на одну женщину, а те ходят такие гордые и никому не дают.

Одно время завели бордель, но работницы секс-индустрии быстро смекнули, что их буквально порвут, и повыскакивали замуж. Тогда и придумали элегантный выход из положения, ведь поделиться женой с друзьями — это не зазорно, а вполне гостеприимно. В остальное же время что хочет, то пусть и делает, хоть работает — рабочих рук всегда не хватает.

Двадцать четвертый — он же рабочий — сектор построили самым первым как временное жилье для оби-

тателей и строителей станции. Как и все временное, оно очень быстро стало постоянным. Менялся только порядковый номер. Сначала поменяли на второй вслед за космопортом, который, естественно, всегда должен быть номер один, потом сектор стал третьим, четвертым... По мере надстройки новых улучшенных уровней постепенно ухудшалась жизнь на первоначальном.

Воздух к живущим на нем теперь поступал в последнюю очередь после многочисленной фильтрации и использования в более престижных секторах. То же касалось воды и канализации. В неудачные дни Камми заходила в уборную в маске, иначе рвотные позывы мешали другим естественным надобностям.

Помыться в душе — недоступная мечта. Пару раз в год, когда верхние уровни затихали и разъезжались постояльцы отелей, в несезон, особенно по ночам, можно было урвать пару-тройку минут под умеренно вонючими прохладными струями. В остальное время обходились влажными салфетками и ионным очистителем.

Последний применялся как к телу, так и к одежде, и к мебели, и даже к помещениям — зависело от режима мощности. Электричество жрал как не в себя, сколько бы его Камми ни модифицировала, но тут Стилов спасал их личный генератор. Были бы они подключены к общему энергетическому каналу, давно разорились бы.

Ведомая ароматом и предвкушением редкого лакомства, девушка разогналась и чуть не врезалась в толпу за поворотом. Негромко переговариваясь, люди стояли плотно, очередь в булочную на окраине сектора вилась змеей почти до центральной площади.

Приуныв, Камми встала в хвост за двумя солидными мастерами в кожаных куртках со знаком седьмого уровня на рукавах. Они иногда пересекались в технических чатах, так что были хоть и шапочно, но знакомы. Мужчины работали в крупной компании, ремонтировали частные приборы — начиная с чайников и заканчивая генераторами. Появлению Камерон они обрадовались, втянули ее в понятный только механикам разговор, и полуторачасовое ожидание пролетело довольно быстро.

— Увидимся, Кам, — похлопал ее по плечу один из мужчин, когда подошла их очередь выбирать из небогатого оставшегося ассортимента. — Ты, я слышал, скоро служить идешь? Мужиком станешь наконец-то, а то вон какой доходяга!

Работники вокруг разразились хохотом, Камерон тоже усмехнулась. Обидчивые на нижних уровнях долго не жили, и не потому, что их кто-то забьет до смерти.

Их убивала изоляция.

Хотя сама она терпеть не могла человеческое общество, приходилось играть, притворяться, улыбаться и выкручиваться, иначе им с дедом грозило остаться без заказов. А механик без клиентов — мертвое мясо.

Поэтому, изобразив дружелюбный оскал, она несильно ткнула кулаком в грудь громче всех смеющегося.

— Доходяга или нет, а собрать голыми руками фотонный датчик на коленке могу. В отличие от тебя! — и, отпихнув механика плечом, протиснулась без очереди в узкий зев дверного проема.

Никто не возражал, а побитый ею техник еще и руками развел, обращаясь к товарищам:

— Что с ним поделать, наглый шалопай. Пусть хоть хлеба наберет, может, поправится, бедолага.

И очередь снова разразилась смешками.

Домой Камми возвращалась чуть не приплясывая. На прошлой неделе она справилась с довольно сложным и, соответственно, дорогим заказом — дед не пожадничал и перевел ей половину суммы. Так что помимо хлеба она, как и собиралась, шиканула и прикупила мягкие внутри и хрустящие поджаристой корочкой снаружи булочки, которые одурающе пахли коричневым экстрактом даже сквозь бумажный пакет.

Предвкушая пиршество (можно в честь такого и мясные консервы открыть, а то от постного риса уже воротило, зато если добавить соевой говядины в соусе, м-м-м), она рывком распахнула заднюю дверь...

И замерла, прислушиваясь.